

НАДЕЖДА
САЛТАНОВА

ЯД ИМПЕРИИ

Ей нужно раскрыть убийство,
чтобы оправдать себя

Надежда Салтанова
Яд Империи
Серия «Убийство в Византии.
Исторические детективы
Надежды Салтановой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67046022

*Яд Империи: SelfPub;
ISBN 978-5-04-193873-4*

Аннотация

Увлекательный и точный в деталях детектив «Яд Империи» поражает атмосферой роскошного Востока и правдоподобным рассказом о жизни средневекового лекаря. Надежда Салтанова, победительница конкурса «Со слов очевидцев», представляет свой дебютный роман, который уже завоевал сердца любителей детективов!

Лечебными отварами и снадобьями Нины Кориари пользовались многие жители Византии, даже из самого дворца императора заказывали ее лекарства. Но внезапно ее репутация пошатнулась: найден отравленный мальчик, а по городу разнесся слух, что это дело рук аптекарей. Подозрение падает на Нину. Ей

ничего не остается, как искать настоящего преступника, чтобы доказать свою невиновность.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	60
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Надежда Салтанова

Яд Империи

© Салтанова Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Вех ядовитый растет кустами высокими да широкими. Стебель прямой, жесткий, а внутри пустой. Листочки тонкие, острые, на перышки похожи. Цветы белые, мелкие, собраны в одну плоскую шапку, размером чуть меньше ладони. Разветвляется сильно. Самая ядовитая часть – корень да его смола. Корень крепкий, с кулак шириной, а ежели разрезать, то с разделениями, где смола собирается. При отравлении начинает сперва голова болеть, затем корчи начинаются, рвота, пена на губах. Помочь можно солью с золой, но только если дать сразу и если невелико количество яда съедено.

Из аптекарских записей Нины Кориари

Зарождающееся утро нарушил резкий крик чайки. Среди больших валунов, подходящих к городской стене Константинополя, на сырой от росы гальке белела маленькая скрюченная фигурка.

* * *

Утро у Нины началось рано. Проснулась она еще до рассвета, пыталась уснуть опять, да не шел сон. Промаявшись так до первых лучей, поднялась, наскоро помолилась. Вышла

во внутренний дворик, где под навесом были расставлены узкие столы для сушки корней, сверху натянута веревка для трав. Надо раскладывать все опять – на ночь она прятала растения в дом от ночной росы.

Нина достала скатанные рулоны холста, расправила на столах, проверила, сколько надо еще сушить лавровый лист и золототысячник, разложила аккуратно. Вдохнула горьковатый запах, пробежалась пальцами по сморщенным желтым цветочкам и вошла обратно в дом, на ходу подбирая свои непослушные кудри и завязывая в платок.

Выпив яблочного настоя с чабрецом и перекусив парой запеченных с вечера яиц, аптекарша принялась за работу. Солнечные лучи уже заглядывали в окошко, переливаясь радугой на склянках и венецианских флаконах, когда раздался шум, быстрые шаги, стук в дверь.

– Случилось что? – всполошилась Нина, по привычке хватая холщовую суму со снадобьями да набрасывая на голову мафбрий¹, без которого порядочной женщине на улице показаться нельзя. Распахнула дверь, заслонила ладонью глаза от солнца. Перед ней стоял запыхавшийся молодой стратиот² из городской охраны. Видать, всю дорогу от стены бежал.

– Нина-аптекарша ты? – спросил.

Вглядевшись внимательнее, Нина отметила потерянное выражение лица, и в груди у нее похолодело от неприятного

¹ Мафорий – покрывало в виде платка, брошенного на голову и плечи.

² Стратиот – воин, солдат.

предчувствия.

– Что случилось-то? – наскоро запирая аптеку, спросила она.

– Там... мальчик. У стены. Мертвый.

Нина, охнув, на мгновение замерла, повернулась к принесшему страшную весть. Прижала ладонь к губам.

– Мальчик?! – прошептала она.

Молодой воин только грустно развел руками и отвел глаза, губы его дрогнули. Перекрестившись, Нина севшим голосом выдохнула:

– Веди. Да рассказывай подробнее.

– Мальчик, худой, лет десяти. Синий весь какой-то. Вызвали сикофанта³. Он сказал, врачеватель тут не поможет. Пусть позовут аптекаря. Декарх⁴ велел мне тебя привести. Сказал, ты разберешься. – Стратиот говорил отрывисто, все еще пытаясь отдышаться.

– Мальчик-то чей? – Ком в горле мешал говорить. Слова с трудом проталкивались через подрагивающие губы.

– Да вроде подмастерье из кузницы. Руки у него в ожогах, фартук кожаный. Видать, послали заказ отнести, а он вот...

– Что сикофант говорит?

– Да ничего такого, что при почтенной женщине повторить можно. Поминает всех: и стражу, и аптекарей, и кузнецов... А мы-то чем виноваты? Ночью штормило, ничего не

³ Сикофант – доносчик, здесь: дознаватель, сыщик.

⁴ Декарх – офицер, десятник.

слышно было. А утром... вот...

Солнце уже пекло немилосердно. Нина со спутником старались держаться в тени, под портиками домов, что в районе гавани встречались все реже.

Нина запыхалась, вытирала лоб покрывалом. Жаркая весна в этом году выдалась. Сквозь домашние сокки⁵ Нина чувствовала подошвами нагретые камни улицы.

У стены собралась уже небольшая толпа, говорили вполголоса, кто-то всхлипывал. От городского рва доносилась вонь нечистот. С берега пахло рыбой, гниющими водорослями, оставшимися после зимних штормов. Ноги вязли во влажном песке.

Нина и ее спутник подошли к столпившимся. Люди, тихо переговариваясь и поглядывая на Нину, расступились перед стратиотом. Он подошел к грузному мужчине с восковой табличкой в руках, склонился:

– Почтенный Никон, я привел аптекаря.

Нина тоже сдержанно поклонилась и произнесла негромко:

– Господь в помощь.

Сикофант повернул к ней бледное лицо с сероватой кожей и набрякшими веками, поморщился:

– Хорошо бы... ты, что ль, аптекарша?

Нина кивнула.

Сикофант молча на нее смотрел. Под неприязненным его

⁵ Сокки – кожаная мягкая обувь, закрывающая всю стопу.

взглядом Нина нервно заправила локон, выбившийся из-под мафория. Красавицей себя назвать она никак не могла. Худа, чернява, одно богатство и было – волосы, да и те прятала. Хоть и говорила ей подруга, что она ликом на мраморные статуи похожа, Нина знала, что не привлекательна. А потому с людьми держалась строго и скромно, но без подобострастия.

Сикофант нахмурился, видать, не по нраву ему пришлась аптекарша. Нина отметила для себя его покрасневшие глаза, напряженное выражение лица, неприятный запах изо рта, когда он раздраженно выдохнул. Видать, и позавтракать не успел, а тут еще и мальчика убили – не с чего ему в такое утро аптекаршу привечать.

Нина торопливо наклонилась над худеньким тельцем, скрюченным, со сведенными судорогой пальцами рук и ног. Лицо было прикрыто тряпицей.

Отведя грязную ткань в сторону, она неслышно ахнула и, опустившись на колени, зашептала молитву. Пока шептала, да осматривала, да приноживалась, вплетала слова «лицо синюшное», «пятна на шее», «на губах кровь», «худенький-то какой, Господи, упокой душу его», «мучился, бедный». Быстро глянула на камни, островками подступающие к городской стене.

Поднявшись с колен и вытерев украдкой слезы, обратилась к сикофанту:

– Я тут помочь не могу, почтенный. Отравили ребенка,

нехристи, чтоб им такой же смертью умереть.

– Уж без тебя догадался, что отравили. Чем, рассказывай? Да где этот яд купить можно? – Он не отводил глаз от аптекарши.

Понятно, к чему разговор, только Нине скрывать нечего.

– У меня такого яда не покупали, – отрезала она. – Кто еще его продает – не знаю, может, и гости заморские привезли. Местные-то законы ведают, нет таких смелых среди аптекарей, чтоб поперек указов идти.

– Да вам, торгашам, законы что птичий свист, лишь бы загребать поболе. Да и откуда ты, женщина, законы знаешь? Вот, первая прибежала – видать, хвост горит.

– Да ты же сам за мной послал!

– Я за тобой не посылал, я велел привести аптекаря. А ты кто? Глупая баба, одни притирания да помады на уме. Слышал я про тебя. Сама небось продала яд кому да и забыла. Так ведь?! – Последнюю фразу он почти выкрикнул, подавшись к Нине.

Та отшатнулась:

– Господь с тобой, меня позвали, что ж я, отказываться буду. А позвали меня потому, что аптека моя ближайшая к гавани. Да декáрх Лебнтий меня знает хорошо...

– Ох, молчи лучше, – рявкнул Никон. – От вас, женщин, один шум и беспокойство. Доложу эпа́рху⁶, что ты под подозрением большим. Пусть твою аптеку прикроет – меньше

⁶ Эпарх – градоначальник Константинополя.

хлопот всем будет.

– Да за что же, уважаемый?! – Нина тоже перешла было на крик. Но под злобным взглядом сикофанта поутихла. Ведь и правда закроют да в казну заберут – виданное ли дело, чтобы женщина одна торговлю вела.

Нина запаниковала:

– Дай я хоть сама поговорю с аптекарями да врачевателями, узнаю, может, кто спрашивал или покупал...

– Ты-то что узнаешь? – нахмурился сикофант. – Бабы сплетни одни, так они тут без надобности. Иди уже, я с эпархом говорить буду.

– Ой, и где тот эпарх?! – повысила было голос Нина, но, спохватившись, перешла опять на почтительное обращение. – Почивает небось, может, только завтракать собрался. И тебя, уважаемый, дальше порога не пустят. Да отговорятся, чтобы не ходил лишний раз, из-за нищего подмастерья почтенных людей не беспокоил, – указала рукой в сторону трупа мальчишки.

Сикофант царапал что-то на табличке, бормотал небогоугодное себе под нос. Шум прибоя и резкие крики чаек заглушали его слова.

Наконец он убрал табличку в суму на поясе, поскреб подстриженную бороду.

Нина смиренно наклонила голову, шагнула чуть ближе.

– Дай мне хоть немного времени – за что ж на меня поклеп возводить зря? Я что выясню, все тебе и доложу. Тебе опять

же меньше хлопот. Там, где служивого на порог не пустят, я в боковую калитку зайду. Глядишь, и тебе подмогну, и себя оберегу от наветов пустых. – Нина говорила торопливо, заглядывая сикофанту в лицо.

Тот молчал.

– У мальчика ведь, наверное, мать есть? Я с ней поговорю, посочувствую, может, она что про душегуба скажет. И с кузнецом. Дай хоть пару деньков, о чем разужнаю, тебе сразу пошлю весточку.

Сикофант махнул солдатам рукой, чтобы унесли тело. Чуть повернув голову в сторону Нины, процедил тихо:

– После зайду, поговорим. А если что важное узнаешь, найди меня сама. Никоном Хакениосом меня зовут.

Аптекарьша кивнула, повернулась и быстро пошла обратно, склонив голову и сердито шепча что-то.

* * *

Нина металась по аптеке. Утреннее происшествие никак не шло из головы, и все валилось из рук. Подмастерье уже наградила оплеухой, когда подсунулся не вовремя.

Чтобы вернуть себе душевный покой, села за работу. Обычно ее успокаивало мерное движение пестика при растирании семян лаванды с распаренными овсяными зернами. И нежный запах, поднимающийся от ступки, настраивал на спокойный и благодостный лад, уходили тревоги. Так и в этот

раз, пока готовила снадобье, пока смешивала с виноградным маслом, успокоилась немного. Переложила смесь в глиняный горшочек, отставила в сторону, накрыла промасленной тряпицей.

С мелкими заказами Нина справилась, послала подмастерье разнести их. Закрыв аптеку, она пошла вверх по Мезе⁷ к пекарне, где хозяйничала статная смешливая Гликерия, давняя ее подруга. На скамеечке у входа увидела сгорбленную фигуру. То был отец Гликерии, старый Феодор. Сколько лет ему было, никто и не помнил. Двух жен он пережил. Дочери от первой жены уже своих детей растят, живут далеко.

Вторая жена Феодора была сильно моложе его. Родила сперва Гликерию, а позже вторыми родами умерла, успев еще дать жизнь сыну. Тот тоже на этом свете надолго не задержался, утонул, будучи еще мальцом. Каждая семья в большом городе родных и любимых теряла, не обошла судьба и Феодора.

Пекарня его была известна в Константинополе. Горожане приходили к Феодору за пышными лепешками, за нежными милопитакья⁸, за тающими во рту лукумадесами⁹, а уж за рогаликами из многослойного теста присылали даже из самых богатых домов. Здесь выпекали ароматный хлеб силигнитис – из лучшей муки, для богачей, а для горожан победнее –

⁷ Меза – главная улица Константинополя.

⁸ Постные яблочные пирожки.

⁹ Круглые сладкие пончики.

сеидалитис, что из муки попроще.

Феодор со временем передал все дела младшей дочери, только с гильдией и эпархом сам договаривался. Красавица Гликерия в положенные пятнадцать лет замуж вышла за хорошего человека, хоть и приезжего. Дела они вели дружно да умело. И с купцами договориться выгодно могли, и таверну при пекарне завели небольшую, где можно было свежим хлебом перекусить и недорогим вином запить. Все у них ладилось, но и в этот дом беда наведалась. Как-то в праздник возвращался муж с ипподрома, а подвыпившие патрикии¹⁰ на колеснице решили по Мезе прокатиться. И лошадьми многих прохожих потоптали. Погиб и он под колесами пьяных богачей. Претор¹¹ тех патрикиев из города изгнал, но сперва заставил выплатить семьям убитых по десять золотых солидов¹², да разве деньгами кого воскресишь. Так и осталась Гликерия одна с бабушкой.

Отца своего Гликерия обожала, заботилась, как о маленьком ребенке. Он тоже в дочери души не чаял. Соседи его уважали, увидев старика, кланялись, подходили за советом, присаживались рядом, разговоры вели. Нина тоже любила с ним беседовать, опять же, совет выслушать, просто на судьбу пожаловаться, а то иногда и помолчать, душой отдыхая.

¹⁰ Патрикий – высокий византийский титул, который жаловался императором и не передавался по наследству.

¹¹ Претор – судья.

¹² Солид(номисма) – золотая монета Византии, ок. 4,55 г золота.

И в этот раз, увидев его на улице под портиком, обрадовалась. Нащупала в суме припасенную мазь для суставов, что беспокоили старика, особенно по весне. Подойдя, поклонилась, спросила разрешения присесть. Тот, оторвав глаза от деревянной чаши, по краю которой вырезал узор, ласково улыбнулся, по-стариковски щурясь:

– Садись, Нина, рассказывай. Что случилось, зачем к стене бегала поутру.

Нина только головой покачала, не особо удивляясь. Старец знал все, что происходило в городе. Какие птицы ему вести приносили, как он про все важное узнавал – непонятно. Но люди говорили, Феодор все знает, а что не знает, то и не важно или знать не положено. Разговаривал Феодор со всеми, да со всеми по-разному. С одними ласково, с другими строго, с кем-то жалостливо, как чувствовал, что каждому надо от него услышать. И всем помогал. То матери, заполошно бегавшей по улицам в поисках сынишки-оболтуса, посоветует, чтоб искала через две улицы у торговца сладостями. То девушку, которую обидел жених, успокоит, мол, завтра все уладится. То купцу, что не знает, можно ли доверить часть товара партнеру, шепнет, как быть. И находился сорванец, и приходил на следующий день раскаявшийся жених, а купец присылал Феодору кувшин вина в подарок, за то, что уберег от убытку.

Вот и сейчас Нина рассказать толком не успела, а он неспешно спросил:

– Думаешь, убили его? Не могло быть, что сам что-то съел?

– Пятна у него на шее, как будто кто держал насильно. Не ведаю, что съел, но на воротах и у рта у него крошки сахарные. Пахнет медом и корицей. Только если бы сам что съел, так был бы хоть на людях, все бы знали, опять же за мной послали бы или к Гидисмани хоть. А тут под стеной... кому же в голову придет туда идти, если солнце уже село. А подалее следы обуви на песке между камнями... Как будто кто-то смотрел, как он умирает. Это ж кем надо быть, а?

– Плохое это дело. Мальца отравить может только тот, чья душа уже пропала. А следы – так народ прибежал?

– Народ-то со стороны ворот стоял, а следы поодаль и ближе к стене.

Феодор покачал головой.

– Что же делать, почтенный Феодор? Сикофант на нас, аптекарей, наперво и думает, мыто с ядами постоянно дело имеем. А мою аптеку и вовсе закрыть пригрозил. И сказал, что бабьи сплетни ему без надобности.

– Это он зря так тебе сказал. Ну, у него забот много, у самого двое детишек, так расстроился, поди. Ты вот подумай, зачем дите убили? – Феодор из-под морщинистой руки посмотрел в небо.

Нина лишь вздохнула.

– Тяжело тебе будет, Нина. Самой придется искать погравителя.

– Да куда ж мне, почтенный Феодор? Не умею я душегубов искать, на то сикофанты есть. Я к тебе за советом пришла, что делать, ума не приложу, – вздохнула Нина.

– Давай-ка я расскажу тебе про мудреца и рыбака, – помолчав, начал старик.

Нина обхватила себя руками за плечи, приготовилась слушать.

– В далекой феме¹³ жил мудрец, к которому приходили на обучение и юноши, и зрелые мужи. Однажды пригласили его в школу, чтобы поделился он своей мудростью с учениками. Добираться пришлось через реку, и мудрец заплатил бедному рыбаку, чтобы тот перевез его на утлой лодочке. Когда отплыли от берега, рыбак спросил, куда мудрец направляется. Тот важно ответил, что едет в школу, чтобы учить других. «Никогда у меня не было времени учиться в школе», – сказал рыбак. «Ты потерял полжизни!» – ответил мудрец. «А умеешь ли ты плавать?» – спросил его рыбак. «На это у меня не было времени», – ответил мудрец. «Тогда ты потерял жизнь, потому что моя лодка тонет!» – сказал рыбак.

– К чему твоя притча, что-то я не пойму, – озадаченно произнесла Нина.

– А к тому: ежели что не умеешь, так учиться надобно. Человек – такое создание божье, что все время чему-нибудь да учится. Где-то с возрастом мудрость приходит, где-то у других подсмотришь, где-то сама споткнешься да поднимешься.

¹³ Фема – военно-административный округ Византийской империи.

Для этого ни школы, ни книги не нужны. Ты себя слушай, сердце подскажет, что делать. И от ядов что поищи, пригодится. Что ко мне пришла – хорошо, но ищи и другой помощи. И я поспрашиваю, подумаю.

Гликерия уже несколько раз выглядывала из окна, но помешать боялась, делала Нине знак глазами, чтоб заходила свежей выпечки отведать.

Нина поблагодарила Феодора за науку, оставила ему мазь, зашла в пекарню.

Подруга обслуживала покупателя с крупным заказом, а потому кивнула на скамью, чтобы Нина присела. Ожидая, аптекарша смотрела на хлеба в корзинках, на разложенные на прилавке сладости и сдобу. Обычно пьянящий запах свежей выпечки будоражил аппетит, руки сами тянулись к пышным лепешкам и медовым лукумадесам. Сегодня же Нину не радовал ни запах, ни вид сладостей.

Распрощавшись с покупателем, Гликерия наконец присела рядом с Ниной. В руках у нее была плоская миса с парой лукумадесов – знала, чем подругу побаловать.

Нина устало улыбнулась и отрицательно покачала головой:

– Спасибо, Гликерия. Ты уж прости, но после сегодняшних событий что-то кусок в горло не идет.

– Что случилось? Говорят, убили кого-то. Тебя-то звали зачем?

– Убили. Сикофант за аптекарем послал, вот меня и по-

звали. Отравили отрока.

На этих словах впечатлительная хозяйка пекарни схватилась за сердце, застыв на мгновение. Слезы покатались из глаз.

– Ой, горе-то. И за что ж мальцу-то такая смерть? Мать небось убивается.

Гликерия утирала слезы, причитая. Потом посмотрела повнимательнее на подругу.

– И как ты, Нина, вот это все так спокойно переносишь? Ты ведь тоже женщина, а не горюешь, не плачешь совсем. Неужто не жаль жизнь загубленную? – Голос ее сорвался, она прикрыла рот краем платка.

– Конечно, жаль. И отрока жаль, и мать его. Но ты же знаешь, сколько лет у нас аптека. Знаешь, сколько смертей я видела? И младенцев, коих спасти не смогли, и детей постарше, коих лихорадка унесла, и матерей, умерших от родильной горячки, и сильных мужчин, что умирали от пустячной раны, потому как слишком поздно к врачевателям пришли. И каждая смерть – еще и чье-то горе. Не всех спасти можно, как ни старайся. Божья воля человеку неподвластна. Сердце-то, оно болит за каждую душу ушедшую, да только слезы уже высохли. Одной молитвой и спасаешься.

Женщины долго еще сидели, обсудили и несчастную долю матерей, и опасности, что подстерегают в большом городе. Лукумадесы они вдвоем все-таки съели. Что лучше успокоит взволнованную душу, чем беседа с доброй подругой и

выпечка, тающая во рту?

Солнце клонилось к закату, пора было закрывать пекарню да выставлять непроданный хлеб для нуждающихся. Феодор такой обычай завел у себя – ежели товар остается, то складывать его в корзину и выставлять вечером под портиком. Всегда найдутся люди, кому нужда не дает хлеба детям купить, а гордость не позволяет милостыню просить.

Нина распрощалась с подругой, пообещалась зайти завтра, если справится вовремя с заказами. Только попросила этими в грех вводящими лукумадесами ее больше не угощать, а то придется новые туники шить. Потому как нынешние от таких угощений скоро лопнут на той части тела, что как раз промеж головы и скамейки располагается.

Гликерия только фыркнула. Нина, не в пример хозяйке пекарни, слишком тоща, что для почтенной женщины не достоинство.

Глава 2

Настой для душевного успокоения

Равные горсти душицы, мяты, тимьяна смешать в горшке, добавить щепоть иссопа, залить половиной секстария¹⁴ только что вскипяченной воды. Когда травы осядут, слить через холстину. Пить перед закатом и утром после еды. Для этого налить полчаши малой и развести горячей водой до верха. Мед можно добавить в ту же чашу. Если тоска долго держится, то добавить пару щепоток зверобоя. Для сердечного успокоения добавить малую горсть цветков конваллярии или ее же настойки малейшую меру.

Из аптекарских записей Нины Кориари

На следующий день Нина должна была отнести заказ для семьи Кастальянис. Дом их стоял на главной улице, недалеко от дворца. Патрикий, бывший комит банды¹⁵, был ранен в сражении в армянских землях. За прошлые заслуги был вхож во дворец, сам император порой, проходя по Мезе с праздничным шествием, останавливался под портиком побеседовать с хозяином.

Да вот беда, дети у бывшего комита, как на подбор, ма-

¹⁴ Секстарий – мера объема жидкости, применявшаяся в Римской империи, приблизительно 567 мл.

¹⁵ Комит – командир военной единицы (банды) в 200–400 воинов.

лорослы да худосочны. А худые дети – семье позор. Вот и стали они заказывать Нине отвар для мальцов. Есть такие травы, что аппетит улучшают да лишних жильцов из нутра изгоняют.

Нина отвар с вечера приготовила, в бутыль налила да запечатала пчелиным воском, чтобы не расплескать. Подумав, уложила в корзинку еще и лучший свой успокоительный настой.

Нина направилась в дом клиента, что выделялся среди других строений нарядным портиком с мраморными колоннами и просторным внутренним двором. Стоящие возле дверей рослые слуги, узнав Нину, поклонились. Один проводил ее через боковую калитку в гинекей¹⁶.

Небольшой, но богато украшенный дворик окаймляли ароматные кусты роз и жимолости, тут и там висели клетки с певчими птицами, от которых стоял здесь постоянный шум. Хозяйка дома, красавица Цецилия, любила пташек, заботилась о них сама, кормила с руки отборными зернами. Птицам доставалось больше пригляда, чем детям, что росли с няньками и прислугой.

Сама Цецилия к Нине не вышла, послала свою бывшую няню Клавдию. Клавдия эта была хуже цепного пса для всех, кроме своей хозяйки. Тощая, прямая, с жидкими поседевшими волосами под расшитым платком, что завязан тюрба-

¹⁶ Гинекей – женские покои в доме, занимавшие его заднюю часть или второй этаж.

ном на голове.

Вышла, зыркнула на Нину, сесть предложила. Аптекарьша к такому обращению привычна, не первый раз, чай, приходит. Клавдия к ней еще благоволила и сама частенько заказывала то отвар крапивы с чередой от ломоты в суставах, то мазь от трещин на коже.

Женщины сдержанно обменялись приветствиями, обсудили грядущие праздники и подготовку к ним.

Клавдия спросила про городские новости. Сплетницей она была известной, но в последние дни мало выходила из дома, больно уж ныли колени по весне.

Нина упомянула о происшествии под стеной, умолчав об отравлении и сикофанте. Лицо Клавдии скривилось, не то от жалости, не то от неодобрения.

Аптекарьша из вежливости спросила, какие новости у семьи. Собеседница как будто этого и ждала. Видать, дома засиделась, некому было похвастаться.

– Дела у семьи хорошо, лучше, чем у многих. Приехал в город сам великий Иоанн Куркуас, доместик¹⁷, а после визита во дворец сразу в наш дом пожаловал. Ты вот, Нина, знаешь, кто такой почтенный Куркуас?

Аптекарьша коротко кивнула.

Клавдия посмотрела на нее с подозрением, но продолжила:

– Молода ты больно, чтобы его знать. Он такие сражения

¹⁷ Доместик – главнокомандующий сухопутным войском.

выигрывал, что в императорском дворце в книгах золотыми чернилами записаны. И хозяин наш с ним вместе в тех сражениях участвовал. Там и ранен был. А теперь вот принимает его у себя в доме.

– А что же он в своем-то не живет? – рассеянно спросила Нина.

Клавдия понизила голос:

– А его дом после землетрясения починять стали. Из казны денег выделили на лучший мрамор и мастеров достойных. Снаружи-то все починили, а внутри так и недоделали. Скандал вышел. Почтенный Иоанн с самим василевсом, – Клавдия понизила голос, – говорят, в позапрошлые брумáлии¹⁸ о чем-то поспорил, так василевс осерчал и сослал его в дальние фемы к брату его, Феофилу Куркуасу. Видать, потому дворец и забросили. А сейчас domestик вернулся, хотя поговаривают, что никто его не звал. Видать, хочет милость василевса вернуть. А еще василевс, говорят, обещался наследника империи на дочери Куркуаса женить, а теперь и не собирается вроде. А девице от того позорно.

– Не дело это, конечно, девиц позорить. Да только не нынешний василевс обещался, а предыдущий. И наследник уже помолвлен с франкской принцессой давно.

– А ты откуда все это знаешь? – насторожилась Клавдия.

– А что тут не знать? Про помолвку в церкви объявляли.

¹⁸ Брумалии – языческий древнеримский праздник, посвященный Вакху. Широко отмечался в Византии. Начинался 24 ноября и длился 24 дня.

– Так все одно, обида и скандал у великого домашнего с нашим императором.

– Ну, авось помиряется. Бог им в помощь. – Нина, устав слушать великосветские сплетни, достала бутылку с отваром. Начала объяснять, как принимать, чем можно запивать и заедать. Поскольку напиток для детей делался, то Нина добавила туда меду немного. Но снадобье из-за этого может забродить, так что держать надо его в холоде, а если вспенится, то вылить и послать за новым.

Клавдия покивала сосредоточенно, потом произнесла:

– Выпей-ка сама сперва...

Нина на секунду замерла, потом резко встала, убрала бутылку в корзинку, направилась к выходу. Старуха метнулась туда же, загородила путь. Даром что колени ломит, кинулась, как за молодильной водой.

– погоди, – зашипела, – я ни детям, ни хозяйке своей ничего не поднесу, пока не увижу, что ты сама пробовала.

Нина разозлилась, уперлась кулаками в бока:

– С каких это пор мои снадобья проверяешь? Я сколько времени аптеку держу, в этот дом хожу чуть не каждую луну с заказами, а ты посмела меня в отравительницы записать! Да я сейчас же с хозяином твоим напрямую и потолкую, сама будешь потом травы собирать да отвары готовить! Нину Кориари в этом городе никто так не оскорблял еще!

Клавдия опять скривилась, изображая улыбку:

– Ну, не кипятись, Нина, ты ж знаешь, дите-то отравили.

Я и беспокоюсь. Где ж еще яды взять, как не в аптеке? Не сердись, давай отвар-то. Я что-нибудь придумаю.

Нина оторопела:

– Я не говорила тебе, что мальчик был отравлен...

– Ты не говорила, так кто-то другой сказал, дурные вести быстро разносятся. Наш конюх сегодня от кузнеца с третьего холма вернулся. Кузнец, говорит, горюет, смысленый мальчуган был, огонь любил, работы не боялся. А к матери того подмастерья послали, вот ей горе-то... У нее детей трое, этот хоть пристроенный был. А ты говоришь, отвары...

– Ну, раз так, то конечно, – с ехидцей согласилась Нина. – Только деньги сначала давай, а то знаешь, третьего дня медник для палача трубу пытошную сделал, а тот денег не отдал.

– Ой, злой у тебя язык, Нина, почтенную женщину с палачом равнять-то.

– Почтенные меня в отравительстве не обвиняют!

Обе помолчали. Ссориться обеим было невыгодно.

Наконец Нина протянула бутыль.

– Утром до еды восьмушку секстария выпить. А есть можно через час. Это если детям, а взрослому – в два раза больше налить можно.

Клавдия порылась в кошелье на поясе, отсчитала монеты, протянула. Мир был восстановлен.

Уже было распрощавшись, Нина вдруг остановилась в дверях.

– Ты, Клавдия, все знаешь, все новости к тебе слетаются.

Не сочти за труд, если услышишь, кто да у кого про яды спрашивал или покупал, пошли за мной. Я тебя отблагодарю.

– Зачем тебе? Я, конечно, всегда ухо востро держу, да только тебе-то какая польза от таких знаний? Сикофанту хочешь подольстить да помочь? Давно я говорила, надо тебе замуж выйти за достойного человека...

– Ну при чем здесь сикофант? – перебила ее Нина в раздражении. – Он грозитя мою аптеку закрыть, чтобы неподводно было женщине самой торговать. А я без аптеки пропаду совсем. А ежели ты, почтенная Клавдия, что узнаешь про настоящего-то отравителя, так от меня сикофант и отстанет. А я у тебя в долгу буду.

Клавдия хитро прищурилась:

– В долгу так в долгу. Я за тобой пошлю, если узнаю что.

Выйдя от Клавдии, Нина наняла носилки, чтобы довели ее до третьего холма. Пока добирались через толкотню Мезы, а потом по тесным улочкам, ведущим к кузнечному кварталу, Нина в задумчивости перебирала кисти на покрывале. Она никак не могла понять, за что отравили мальчишку. Ни денег, ни иной выгоды она в том не видела. Если только бесноватый опять какой появился, но что-то сложно тогда.

Был один изверг, тот, что девушек в лупанарии¹⁹ резал. Но то ж ножом, что у каждого ремесленника найдется. Четверых насмерть замучил, а двоих только поранил, да вовремя помощь подоспела. Так его изловили и казнили. Нина тогда

¹⁹ Лупанарий – публичный дом.

помогала девиц выхаживать, в лупанарий тот ходила сама. Со всеми там перезнакомилась, хозяйка теперь к ней регулярно посылала за снадобьями. А некоторыми и сама с Ниной поделилась, коими с древних времен в таких домах спасаются да сохраняются.

Потом прознали из других ночных заведений, так тоже к аптекарше стали присылать то красу, то здоровье подлатать. Нина девушек из лупанариев жалела, не брезговала помогать. Труд он везде труд, а женщине прожить в большом городе сложно. Истории они рассказывали свои – аж сердце щемило. Ну да не о том сейчас.

В аптеках, конечно, есть яды. И болиголов, он же аконит, и дявольская вишня, что венецианцы называют белладонной, и змеиный яд. В малом-то количестве исцеляет, порой меньше капли достаточно. Но если полную чашу такого лечебного настоя налить да больному подать, так можно сразу и отпевание заказывать. Поэтому яды на строгом учете у всех аптекарей, а тот, которым, похоже, мальчика отравили, аптекари вовсе не держат. Известный яд, с историей нехорошей. Где ж этот душегуб взял его и зачем травил, да еще ребенка.

У Нины душа застывала каждый раз, как вспоминала она худенькую фигурку на влажных камнях.

В кузнечном квартале стоял гулкий звон от ударов молотов. Пахло дымом, раскаленными камнями, стряпней. Туда

же примешивался кислый запах охлаждаемого каленого железа. Дома здесь стояли пошире, чем в городе, – боялись пожаров.

Нина, остановив босоногого пацаненка, спросила, из какой кузницы подмастерье убили. Тот показал на второй дом слева. Во дворе там было шумно, голосила женщина, кто-то громко что-то объяснял, стучали молотки.

Нина, перекрестившись, выбралась из носилок, велела подождать.

Во дворе увидела женщину, которую поддерживал за локоть юноша в короткой, перепачканной сажей тунике. Та едва держалась на ногах, кричала что-то невразумительное кузнецу. Сам кузнец мрачно смотрел на нее исподлобья. Переведя взгляд на Нину и увидев, как та решительно двинулась к кричавшей, он облегченно вздохнул, опустил плечи. Хотел было что-то сказать, но, сжав зубы, молча развернулся и ушел в кузницу.

Нина помогла усадить женщину в тени на перевернутый чан, опустилась рядом, достала из корзинки кувшинчик, запечатанный промасленной тканью, заставила выпить несколько глотков.

Обессиленная от криков и слез, женщина не сопротивлялась. Нина что-то ей шептала, гладила по плечу, уговаривала. Через какое-то время несчастная мать успокоилась, лишь раскачивалась, всхлипывая. Нина вывела ее к носильщикам, заплатила, чтобы довели, вложила ей в руку кувшин с остат-

ками питья, спросила, где живет. Пообещала проведать на днях.

Вернувшись в кузницу, поговорила с хозяином, посочувствовала. Он был немногословен, про подмастерье рассказал лишь то, что Нине уже доложила Клавдия. Спросил:

– А ты к нам по какой надобности, почтенная?

Нина заказала тонкий и прочный нож, чтобы корни резать можно было, не передавливая, соки не терять. Нарисовала прямо на земле форму лезвия, показала размер на руке кузнеца. Тот покивал, назвал цену, Нина поторговалась для приличия, и сговорились.

Ничего не выяснив про убитого мальчика у хозяина, Нина попробовала разговорить подмастерье.

Тот был напуган, отмалчивался. Только шмыгал носом и твердил: «Прости, госпожа, не помню, не видел». И когда Нина уже с досадой отвернулась, он тихо произнес:

– Красивая у тебя накидка, госпожа. Почти как туника под плащом у господина, что с Трошкой говорил.

Нина, сдерживаясь, чтобы не напугать парнишку, спокойно сказала:

– Ты любишь красивую одежду?

Тот закивал:

– Я всегда к большому собору бегаю, когда василевс в праздник выходит. Ох и красивые же у них накидки, с блеском, да камнями расшитые, а на головах, как горшки, и тоже все переливаются на солнце. А на пальцах...

Нина прервала его:

– А тот, кто с Трошкой говорил, – какая была на нем одежда?

– Плащ был простой, темный и старый. А из-под плаща туника видна была, когда он рукой Трошке махнул. Красивая – золотистая, с узором по краю, с райскими птицами с длинными хвостами.

– А друг твой с этим господином где разговаривал?

– На площади возле Воловьего форума. Там вору, что давеча кувшин вина уволок, руку рубили. Мы смотреть бегали. Только Трошка с тем господином особо не разговаривал. Ему монету показали, он пошел. Я тоже хотел пойти, но Трошка меня оттолкнул, сказал, что сам управится. Это он чтобы не делиться. Жадный был и вредный. – Тут мальчишка понял, что про покойника говорит, ойкнул, закрыл рот рукой, покраснев.

Нина его успокоила, дала нуммию²⁰ да наказала найти ее аптеку и рассказать, если он этого господина опять где увидит. Тот сразу спрятал монету куда-то в складки грязного пояса.

Нина отправилась домой. Идти пришлось долго, устала. Купила горячую лепешку у уличного торговца, съела прямо на ходу. Напоследок успела зайти к Гликерии, запаслась парой нежных роголиков да свежим хлебом.

²⁰ Нуммия – мелкая медная монета.

Солнце уже клонилось к морю, раскрашивая гавань багровыми отблесками. Нина убирала травы с навесов, переливала остатки снадобий в бутылки, привязывала кусочки мешковины с надписями на них. Выбрасывала те отвары, что поменяли запах или цвет. От смеси острых, пряных запахов щекотало в носу.

Чтобы впустить в комнату свежего воздуха, Нина отдернула занавеску, что загораживала вход, и отпрянула, увидев у самых дверей сикофанта. Схватившись за сердце, Нина перевела дух, склонила голову:

– Бог в помощь, почтенный Никон. Напугал ты меня. Что же ты стоишь у входа, не постучишь, не позовешь?

– Считаю, что постучал. Пригласишь или на виду у соседей разговаривать будем? – Сикофант бросал слова неприязненно, резко.

Нина торопливо посторонилась. Нехорошо это, если слухи пойдут, ни к чему ей слухи и как вдове, и как аптекарю.

– Проходи, почтенный.

Предложив гостю скамью с подушками, набитыми травами, Нина присела на квадратную свою рабочую скамейку, напряженно выпрямившись и сминая в руке складки столы²¹.

Аптекарша молча наблюдала, как глаза Никона обегали комнату с полками, заставленными бутылками, глиняными

²¹ Стола – подобие хитона или верхней туники. Одевалась поверх нижней туники.

горшочками, кувшинами. Взгляд его задержался на полутемных углах, где виднелись пучки трав, подвешенные к потолку. Скользнул по столу, на котором стояли свеча, три ступицы разного размера, лежали тонкие ножики да деревянные полированные дощечки.

Нина поправила прислоненную к стене мраморную плитку, прикрытую вошеной тряпичей. Сикофант заглянул и в корзину за столом – там были сложены медные меры, крючки и лопатки, веревки, чистая холстина, сложенная вчетверо. Маленькая печь подмигивала красными потухающими углями. Рядом поблескивали глазурными боками глиняные горшки. Свет закатного солнца проникал через открытую дверь и вспыхивал на склянках. Пряные запахи все еще кружили в небольшой комнатке.

Никон кашлянул, многозначительно посмотрел на кувшин вина, что стоял поодаль. Нина молча взяла с верхней полки глиняную чашу, налила сикофанту тягучий ароматный напиток. Хотела было развести водой, но гость покачал головой.

Пока он пил, Нина молчала, глядя в сторону.

Наконец сикофант отставил чашу, проронил:

– Ну, рассказывай, что узнала. Где шастала? Какие бабы сплетни собрала?

Нина вздохнула.

– Что же ты так со мной разговариваешь, почтенный Никон, как с гулящей какой? – медленно и спокойно начала

она. – Я женщина, уважаемая в городе, законы блюду, никто обо мне плохого слова не скажет. С чего это ты вдруг оскорблять меня решил? Что узнала – расскажу, но и ты уж сделай одолжение, не позорь ни меня, ни себя таким обращением.

Никон нахмурился:

– Рассказывай уже, не толки воду в ступице. Ох уж мне ваши бабы кривотолки...

Нина вкратце поведала про поход к кузнецу и про шелковую тунику, что глазастый подмастерье разглядел.

– Узор-то редкий, богатый, – тихо добавила Нина в конце рассказа.

Никон в задумчивости помолчал. Потом фыркнул:

– Еще не хватало мне про тряпки шелковые с тобой беседовать. Вот уж бабы, все об одном только и мыслите. Толку-то от твоей аптеки, если одни тряпки и притирания в голове?!

– Ой ты, почтенный, опять ту же дуду завел. На-ка вот лучше, я корзинку собрала. У тебя ж двое детей-то? Вот я им рогаликов из пекарни Феодора припасла. – Нина начала выкладывать подношение из корзинки, показывая. – А для жены твоей вот притирания с лавандой и медом. От них кожа прямо светится, у меня даже из дворца такое заказывают. А тебе вот вина кипрского да бутылъ отвара от головной боли.

Никон смутился, нахмурился.

– Откуда узнала про головную боль?

– Да я, уважаемый Никон, не вчера аптекарствовать-то

начала, вижу по лицу да по поведению людей, что им жить мешает. Ну, да ты попробуй, не поможет – другое снадобье приготовлю. Главное, все сразу не выпивай, по полчаси на четверть секстария перед сном да поутру, но после трапезы непременно, – сыпала словами Нина, укладывая в корзинку все заново.

– Погоди, что ты там про дворец-то сказала? Кто к тебе присылает?

– Кто присылает, сказать не могу, да только раз попробовали и вот заказывают. Ты не думай – твоей жене понравится.

Никон фыркнул, но сказал примирительно:

– Да что мне-то до того, понравится или нет. Раз богачи заказывают, значит, и ей сгодится.

Нина внимательно посмотрела на него.

– Жена тебе не по нраву? Пусть ко мне зайдет – я на нее посмотрю, поговорим, может, ей тоже какое средство подберем. В семье-то когда мир, то и детям хорошо, и родителям благодно.

– Не в свою крынку нос суешь, аптекарша, – огрызнулся Никон, вставая.

– Не в свою, не в свою, верно, – покивала Нина. – Не сердись, уважаемый, возьми корзинку-то. Я завтра на базар схожу, с торговцами тканями поговорю, вдруг припомнит кто, где такой узор видели. Они-то на ткани и узоры глазастые и памятливые. А потом к лекарям, может, схожу, глядишь, они

вспомнят, кто про яд спрашивал. К аптекарю Гидисмани сама не пойду – мне он ничего не скажет, а вот жена его ко мне обещалась зайти на днях. Глядишь, и у нее что вызнаю. А ты говоришь, бабьи сплетни! Ты ступай домой, почтенный, жди от меня весточки. А то сам заходи, если что-то срочно понадобится...

Гость поджал губы, кивнул и, сердито отдернув занавеску, вышел.

Нина медленно выдохнула. Аж в пот бросило, пока убалтывала сикофанта. Вот уж и правда, лаской да подношением можно много чего решить в большом городе. Надо и правда с женой его повидаться, что-то у них неладно.

Нина вздыхала, закрывая аптеку. Ох, непросто женщине одной, без поддержки, без заботы. И некому ее защитить.

Работы Нина никогда не боялась. Но всегда рядом родные были, батюшка, Дбра, Анастас. Да вот не осталось никого...

Нина опустилась на колени перед иконой, молитва смешивалась с воспоминаниями, щедро приправленными слезами.

Глава 3

Снадобье для облегчения головной боли

Цветки матрикарши сушеные, горсть размером с миллиарсией²², и вдвое меньше душицы положить в сосуд глиняный. Залить половиной секстария горячей воды. Закрыть холстиной, прочитав неспешно просительную молитву к Богородице десять раз. Через холстину отвар перелить в другой сосуд, травы выкинуть. Пить надо до трапезы, по четверть секстария два-три раза за день. Если головная боль от беспокойного сна, добавить чабреца (он же тимьян) горсть, а воды горячей на треть больше.

Из аптекарских записей Нины Кориари

Сладко спится Нине.хлопот много, за день едва упривишься. А сон какой – не оторваться, не насмотреться.

Плывет она на лодочке по морю синему, муж ее любимый, Анастас, веслом лодку направляет. И рассказывает ей про путешествие свое в далекие земли, в Булгарию, в Скифию, в Хазарию. Рассказывает про великого знахаря Ведазара, как водил он Анастаса по лесам, показывал травы, кои только в северных землях растут. Рассказывал про разрыв-траву, что помогает любые замки открывать. Поведал, как собирал искрек, который в малой дозе успокоит человека, а в большой

²² Миллиарсией – серебряная монета. 1 солид = 12 миллиарсиев.

сделает буйным или заставит видеть подземные миры и дальние берега.

Тоскует Нина по мужу своему. По рассказам его, по глазам ласковым да рукам заботливым. И такие сны для нее – отрада.

Нина росла не в роскоши, но и нищеты не знала. Отец ее, Калокир, водил караваны, сам торговал маслами арабскими, частенько бывал в отъезде. Матушка умерла, когда Нине было пять лет, и задумал отец привести в дом няню. Но девочка была своенравной, так что не каждая могла бы справиться.

Однажды, проходя мимо дворца, увидел Калокир женщину: одежда скромная, но добротная, мафорий неаккуратно сполз с белокурой головы.

Она стояла напротив ворот, плакала беззвучно. Когда он замедлил шаг, несчастная подняла на него светлые, почти прозрачные от слез глаза и упала перед ним на колени. Отшатнулся было Калокир, но таким отчаянием веяло от нее, что он, наклонившись, спросил:

– Что с тобой, уважаемая? Чем тебе помочь?

Она схватилась за светлые пряди волос, выбившихся из-под мафория:

– Не знаю, что делать. Куда идти?

Поднял он женщину, отвел ее в сторону, усадил на дорожный камень и попросил рассказать, что случилось.

Безжизненным голосом та поведала, что родом из северных славян, была захвачена в плен и продана в рабство. Мужа и родных – никого не пощадили. Во дворец она попала случайно, когда купившая ее патрикия привела с собой, а василиссе понравилась красивая беловолосая рабыня. И оставили во дворце ее.

Но не одной только василиссе приглянулась красавица. И через год – голос ее стал еще тише – родила она мальчика. Ее солнышко ясное, отрада светлая, все, что есть у нее в чужой стране. Уж как она радовалась, как малыша нянчила да кормила.

А через полгода, услышав, как поет она ему песни своего народа, отняли у нее сына, отдали кормилице, а ей дали вольную да кошель денег и выставили из дворца. Вот беда, как же ее сыночек с чужими людьми вырастет? Не будет у него матери, чтобы приласкала да приголубила. А ее единственного счастья в чужой стране лишили, как ей теперь жить без ее сокровища ненаглядного.

Женщина голосила, и Калокир лишних вопросов задавать не стал, повел ее, от слез задыхающуюся, в свой дом. Сказал лишь, что жена его недавно преставилась, что нужна нянюшка для дочери, пообещал платить и относиться, как к члену семьи. Что свободы ее ограничивать не будет, как захочет уйти – не задержит.

Так в доме появилась Добронрава, ласково все ее звали Дорой. Оттаяла она, всю свою любовь отдала Нине, та тоже

души не чаяла в нянюшке, со временем стала ее матушкой называть.

Дора про себя много не рассказывала. Но Нина была любопытна, как все дети. И приходилось Доре описывать роскошные сады большого дворца с мраморными статуями и розовыми кустами. Рассказывать про покои императрицы, где на полу цветочное поле из мраморной мозаики, а на потолке звезды золотые. Вспоминать наряды василиссы, золотом да жемчугами расшитые, да платья придворных сплошь из шелка узорчатого. И про обычаи дворца рассказывала, про безбородых евнухов, про пиры, что своими глазами не видела, но слыхала от других рабов. Не упоминала Дора лишь про императора да про интриги дворцовые. Потому как за такие разговоры можно и языка лишиться. И каждое новолуние вечером уходила Дора к дворцу. Закутавшись в плащ, стояла на площади Августеона, глядя в ворота. Возвращалась безмолвная, обессиленная.

Нине исполнилось двенадцать, когда Калокир привез из очередного похода молодого человека и поселил в своем доме. Звали юношу Анастас. Много лет назад его батюшка перебрался с Пелопоннеса в Дамаск, где открыл скромную лавочку да женился. Но пришла беда в дом, скосил родителей мор. А местный старец, который всю жизнь лечил людей травами, Анастаса выходил да и оставил потом у себя в учениках. От того знахаря и приобрел Анастас умение и страсть к приготовлению снадобий лекарственных. Когда старец умер,

Анастас сам стал отвары да настои делать и на базаре продавать. Соседи из греческого квартала чем могли помогали, привечали толкового юношу, снабдьа заказывали. На базаре и повстречал однажды он Калокира – услышал греческую речь, разговорились. А через несколько дней караванщик слег с лихорадкой и послал за Анастасом.

Излечил его молодой травник. И благодарный Калокир уговорил его ехать в Константинополь, сказал, что поможет открыть аптеку в Царице городов. Юноша не стал отказываться. Поручил Калокир ему свою скромную лавку, где торговал ранее маслами из восточных стран. Анастас травы какие привез с собой, какие собрал в дороге, что-то купил. Умелым и знающим аптекарем он оказался, вскоре потянулись к нему покупатели. И пошло аптечное дело потихоньку.

Нина любила в лавке сидеть и за Анастасом наблюдать, часто просила у Доры разрешения помочь ему. Интересно там было – и сосуды разные поблескивают, и ароматы трав кружат в воздухе, и горшочки расписные вдоль стен, и ножки странной формы разложены. Травы под потолком подвешены, масла разные в сосудах глиняных, корни в ларцах деревянных да в сундуках кованых.

Через два года умерла Дора, даже Анастас не смог ей помочь. Девочка горевала безутешно, Анастас брал ее за руку, выводил на городскую стену, откуда открывался вид на гавань, ласково поглаживая по волосам, шептал:

– Кто не с нами, тот с Богом. Отпусти.

И Нина отпускала. А через полгода заявила отцу, что хочет помогать Анастасу в аптеке.

Калокир вздохнул, почесал лысеющую макушку и не то спросил, не то приказал:

– Замуж за него пойдешь тогда...

Нина покраснела, отвела взгляд, кивнула важно, как взрослая. А Анастас, недослушав Калокира, опустился на колени, сказал, что не смел просить, но любит Нину уже давно. Волновался только, что она-то думает, пойдет ли за него. Но сияющие девичьи глаза были ему ответом.

Вели они аптеку вместе больше десяти лет. Сами травы собирали да сушили. Часто и привозные покупали, которых в окрестностях не сыщешь. В Константинополь корабли да караваны приходят из разных стран, много интересного привозят. А иногда и сам Анастас отправлялся в путешествия – знаний набраться, редких трав и кореньев привезти. И для жены любимой подарки привозил. То лунницу²³ из северных краев, то платки расшитые.

Нина тогда одна в аптеке хозяйничала, разве подмастерье нанимала заказы разнести да за аптекой присмотреть, когда сама к покупателям ходила. Ну да не в первый раз, справлялась.

Дом у них был небольшой, но добротный, двухэтажный. На первом этаже сама аптека с печкой, крепким столом, скамьей для гостей, парой сундуков да дальним закутком за

²³ Лунница – украшение в виде полумесяца.

плотной занавеской. Позади еще небольшая комнатка, где тоже сундуки стояли да широкая скамья с подушками. Из этой комнатки выйти можно было во внутренний дворик. Не атриум²⁴, конечно, но аптекарям хватало места и для садика с растениями лекарственными, и для навесов, где травы и корни сушились. На втором этаже две комнаты были. В одной раньше Калокир жил, в другой Нина с Анастасом. А как сгинул отец в одном из походов вместе со всем караваном, так с тех пор его комната и пустовала.

Нина вновь ходила на стену городскую, позволяя соленому ветру сдувать слезы с лица и уносить печаль. И снова Анастас был рядом.

Еще когда Калокир был жив, увлеклась Нина приготовлением разных притираний для красоты. Привез ей однажды отец из далеких путешествий мазь. Крохотный глиняный горшочек с затейливой вязью, запечатанный воском. Какой нежной была та мазь, как пахла божественно! И с тех пор Нина все пробовала сама такую же сделать, с помощью Анастаса и аптечных знаний его смешивала, отваривала, пробовала. И стали у нее притирания так хороши, что вскоре в аптеку потянулись покупательницы из богатых патрикий.

Анастас не мешал, даже подсказывал, какое масло лучше добавить да как легче вытяжку приготовить. И всем лечебным своим снадобьям Нину обучал. Все списки²⁵ заставил

²⁴ Атриум – внутренний двор, окруженный зданием.

²⁵ Списки – рецепты, записи.

наизусть запомнить. Хранилась у него старинная книга по знахарству, за немалые деньги купленная. Но в большом городе часто пожары бывают, нельзя на пергаменты надеяться.

Хорошо тогда жилось Нине. И батюшка рядом добрый, и муж любимый, и дело занятное, и от соседей почет и уважение. Детей Бог не дал, да она об том не горевала.

Боже, как давно это было... Сейчас уже нет Калокира, нет и Анастаса.

Проснувшись на рассвете, Нина вышла во двор. Воскресенье, много заказов не будет, аптекарша надеялась отдохнуть.

Но во дворе творилось неладное. Столы, на которых травы сушились, перевернуты. Сундуки, что на улице стояли с хозяйственными приспособами, открыты.

У Нины заколотилось сердце – что такое, кому она понадобилась? Что у нее искали?

Обернувшись к двери, увидела, что дверь вокруг засова, что изнутри накинута была, исцарапана. Как будто пытался кто открыть ее дом ночью. Это что ж такое? Так она спала крепко, что ничего не слышала? Но, вспомнив густой аромат трав и настоев в аптеке вечером, поняла, почему сон был такой крепкий. Надышалась, видать.

Заметалась Нина: что же делать, вдруг опять придет тать? И что он искал, непонятно. Вот уж и правда, беда одна не ходит.

Нина кинулась назад в аптеку, руки дрожали, пока накидывала засов на дверь во двор. У кого помощи просить вдовой аптекарше?!

От громкого стука в дверь с улицы Нина аж подпрыгнула. Нет, воры да душегубы стучать не станут, да еще когда солнце уже встало.

Накинув как попало платок на разметавшиеся волосы, Нина перекрестилась и открыла дверь. На пороге стоял соседский подмастерье, крепкий юноша лет семнадцати. Туника его была порвана с правой стороны, темные, небрежно подстриженные волосы взлохмачены. Над губой пробивался легкий пушок.

Поклонившись коротко Нине, он пробасил:

– Госпожа Кориари, меня хозяин послал к вам повиниться. Ночью с вашего двора шум слышался, а я у хозяина на дворе спал, так учуял, хотя сон у меня обычно крепок. Вначале так тихо вроде кто-то двигался, а потом что-то упало. Ну, я и решил посмотреть, вдруг ворье какое. И я на наш забор забрался, не видно. Тогда на ваш залез. А тать у вашей двери уже стоял, видать, открыть хотел. Ну, я ему и сказал: почто он добрых людей грабит? А он отпрыгнул, да в калитку, да бежать. Стол там опрокинул. Я пока с забора слез, пока на улицу выскочил, а там уж нет никого. Тунику вон порвал, зацепился.

– В чем же виниться тебе, отрок? Ты ж меня, может, от смерти спас, спасибо тебе. – Нина низко поклонилась парню.

Тот засмутился еще больше:

– Так я же вора не поймал, а ну как он опять придет.

– Вот и я думаю, вдруг придет. Что делать, ума не приложу.

– А мой хозяин сказал, что раз я такой растяпа, то должен буду у вас во дворе ночевать теперь. Со мной-то во дворе тот разбойник не полезет к вам боле.

– Ой, это что ж, тебя чтобы погубил? А ну как у него кинжал или другое оружие?

– А я не боюсь. Я, может, и неуклюжий, зато сильный. Со мной ему не справиться. – Парень подбоченился, выпятив грудь.

– Нет, знаешь же, мертвый храбрым не бывает. Ни к чему это, – сказала Нина. Но голос ее еще дрожал. И правда, может, нанять кого для охраны?

А он продолжал настаивать:

– Мы медные горшки перед калиткой поставим. Когда он попытается открыть, они загремят, тут я проснусь и отучу его добрых людей по ночам грабить.

И, понизив голос, добавил:

– А еще хозяин сказал, что вы меня тогда ужином накормите. А то он меня за порванную тунику ужина лишил, – насупившись, сказал юноша.

Нина вздохнула:

– Ну, раз ужином, тогда ладно. Только смотри не приходи, пока не позову. Я сегодня допоздна работать буду. Далеко

после заката во двор выйду и позову тебя. Услышишь?

– Услышу. Я голодным спать-то не могу, – улыбнулся тот. – Меня Павлосом кличут.

Нина улыбнулась в ответ и кивнула:

– Помню, как тебя кличут.

И Павлос, опять коротко поклонившись, ушел.

Нина немного успокоилась. Ну и правда, мало ли в большом городе лихих людей. С охраной все же надежнее. И парню хорошо.

Провожая его взглядом, подумала, что надо ему одну из туник отдать, что от Анастаса остались.

Нина вздохнула судорожно, мужа вспомнив, прижала ладони к глазам. Ну, тут уже не выправить ничего, поэтому, смахнув слезы, она решительно вошла в аптеку.

Глава 4

Снадобье от царяпин да ушибов

С утра истолочь горсть свежих листьев алоэ, залить одной мерой крепкого холодного отвара матрикарши, дать настояться до вечера. Опрокинуть на холстину над глиняным горшком и отжать. Одну меру меда и четверть меры масла оливкового к настою добавить, перемешивая, пока молитву Богородице прочитаешь десять раз.

Из аптекарских записей Нины Кориари

По случаю воскресенья Нина принарядилась, надела новую темно-синюю столу поверх светлой туники. Мафорий накинула тоже синий, расшитый по краю мелким речным жемчугом, еще Анастасом привезенным. Заперла аптеку, перехватила поудобнее корзинку и неспешно пошла к церкви Святой Ирины.

Любит она этот храм, хоть и идти до него неблизко. Стоит Ирина в небольшом цветущем саду, чуть в стороне от собора Святой Софии. Старая это церковь, уже и горела, и землетрясение ее порушило, а вот гляди-ка, опять миром отстроили. Возродилась и всех снова привечает.

Хоть и не видела Нина большей красоты, чем в Софийском храме, где купол высок и огромен, в ожерелье из малых окошек одет, где роспись на своде да на стенах – глаз

не отвести. Однако Нина чувствовала себя маленькой и потерянной перед величием большого собора, перед золотом фресок, сиянием тысячи светильников. В большой храм вся знать ходит да император с семьей. А горожане чаще в храмах поменьше молиться предпочитали. Что и говорить, уж церквями столица не обделена, на всех хватало.

После службы Нина, вспомнив обещание Никону, отправилась на форум. Сегодня был базарный день, что ей на руку. В другие дни торговцы по своим лавкам сидели, поди исходи всех. А сегодня собирались люди торговать на площади Константина, что недалеко от дворца и Софийского собора.

Любит Нина константинопольский базар. На просторной площади всем хватало места. Гомонят торговцы и покупатели, в жаркий пыльный воздух вплетаются запахи меда, ароматических масел, свежеиспеченных лепешек, перезревших фруктов. Манят краски и сливочный блеск дамасских тканей в ряду продавцов одежды. Кружат голову запахи специй и благовоний в ряду арабских купцов. Вон бросает цветные отблески венецианское стекло, а там подальше – сияют украшения и от местных мастеров, и привезенные с дальних концов света. Воздух поет от звона ножей и клинков разного вида и формы, да гулко стонет горшок, когда горшечник, нахваливая свой товар, шлепает по нему рукой.

Нина ходила между рядами, с удовольствием торговалась, пробовала то сыр, то сладости. Встречая знакомых, сдержанно склоняла голову, останавливалась побеседовать.

Нина взяла лаванды у франкских купцов да пару стеклянных флаконов у венецианцев взамен сосуда, что подмастерье, оболтус, давеча расколотил, хорошо хоть пустой. Маслѧ и опиум на базаре Нина не брала, ей привозили самое лучшее знакомые караванщики из арабских земель.

Приметила знакомого торговца с плоским лицом и смешным именем, не то Сунь, не то Юнь, купила у него красный корень и кибабинь, которые идут для порошка, что силы мужской прибавляет. Дорого вышло, да за снадобье всяко дороже платили и почтенные жены, и владелицы лупанариев, а порой и сами мужья.

Зайдя в ряд, где торговали тканями, Нина вздохнула, мысленно наказав себе не отвлекаться на платки шелковые и покрывала расшитые. Ох, любит она красивую одежду, да шелка не по чину ей и не по карману. А сейчас и вовсе по делу пришла, нечего тянуться, чтобы провести пальцами по ткани, что струится, как залитая луной река.

Одернула себя Нина, собралась с мыслями да обратилась к услужливому торговцу:

– Уважаемый, где бы мне найти того, кто в вышивке сведущ да искусен?

– Ой, за что меня позоришь, почтенная? – громко отозвался торговец, предчувствуя не столько выгоду, сколько развлечение. – Да лучше моего товара ты во всем Константинополе не найдешь. Какая вышивка тебе еще надобна? У меня и кресты узорные, и цветы золотом шитые, и волны морские.

Что понадобится – все у меня есть!

Кругленький лысый продавец вертелся вокруг Нины, что шмель над цветком, хватал за рукав. Показывая вышивку, он закатывал глаза, причмокивал и подмигивал:

– Ты смотри, смотри! Да потрогай! Такого шелка нигде не сыщешь! Ты для кого выбираешь-то? Никуда больше не ходи – здесь все купи. Никто тебе лучше цену не даст!

Тараторит, ахает, вьюном вокруг нее вьется да приплясывает – ну чисто мим, что на русáлии²⁶ да брумалии в город приезжают. У аптекарши аж голова кругом пошла.

Насилу Нина отбилась от продавца, тут как раз подошел господин в богатой одежде. За ним плелись нанятые носильщики, увешанные тюками. И торговец кинулся обслуживать и обхаживать более выгодного покупателя.

– Что ты ищешь, почтенная? – спросил тихий голос за спиной.

Обернувшись, Нина увидела пожилую горожанку, одетую скромно, но аккуратно. Стола по краю была украшена каймой, искусно вышитой темной нитью.

– Ищу, кто может рассказать про вышивку с птицами, что по подолу туники делают. Ты, случаем, не мастерица? Может, подскажешь, где такой узор найти можно? В какой эргастэрий²⁷ мне зайти лучше?

Мастерица окинула взглядом Нинину простую столу и

²⁶ Русалии – языческий весенний праздник, отмечался после Пасхи.

²⁷ Эргастерий – лавка или мастерская.

скромно украшенный мафорий.

– Сложное шитье с птицами, со львами да со змеями крылатыми только богатые клиенты заказывают. На далматиках²⁸ и мафориях, на плащах такой узор нынче модный. А вот на туниках редко вышивают, если только на шелковой, но это, сама понимаешь, не каждый заказать может. Такое во дворце чаще носят. А для кого ты спрашиваешь, госпожа?

Нина смутилась. Врать она непривычная, а правду сказать – ну как слухи поползут лишние. А вдруг мальчонка перепутал что? С дворцом шутки плохи, не успеешь оглянуться, как в подземельях окажешься.

Отговорилась Нина, что на прохожем увидела да захотела себе такой же узор. А почтенная мастерица ей, неразумной, все объяснила, так что Нина не будет больше на красивую вышивку рот разевать.

Мастерица покивала, спорить не стала. Сказала только, где ее найти можно, если вышивка понадобится. На том и распрощались.

Все еще перебирая в голове, как же ей теперь узнать про тунику, Нина направилась в пекарню к своей подруге Гликерии. Нет ничего лучше аромата свежего хлеба, когда из печи достают его добрые руки, прикрывают чистой, обсыпанной мукой тряпицей, проверяя попутно, похрустывает ли корочка. А какие сладкие лукумадесы печет Гликерия... Нина за-

²⁸ Далматика – верхняя туника из парчи с диагонально обрезанным подолом.

ходить порой боится, соблазн ведь велик, не удержишься и съешь, да не один и не два.

Нина старается в еде быть умеренной, знает – кто следит, чем брюхо набивает, тому ни аптекари, ни отвары не нужны. Тело само частенько себя лечит, если ему не мешать. Но в пекарне разум у Нины становится таким неспешным и рассеянным, что недолго и в грех чревоугодия впасть.

Войдя, Нина привычно направилась в глубь небольшого помещения с каменным прилавком и скамьями вдоль стен. В корзинах, прикрытая холстом, ждала покупателей выпечка. Аромат свежеиспеченного хлеба заставил сглотнуть слюну.

Никто не встречал у порога, видать, отпустила помощников Гликерия по поводу воскресенья. А Феодор, должно быть, из церкви еще не вернулся. Он ходил на заутреню в церковь Святых Апостолов, что неподалеку от пекарни, с батюшкой часто беседы вел неспешные, благостные.

Пока глаза привыкали к сумраку уютной пекарни, Нина прошла к невысокому столику, где обычно и встречала покупателей пышная красивая хозяйка. Там никого не было.

– Гликерия, – позвала Нина. Заволновалась, не случилось ли чего.

Гликерия появилась из-за занавески и, вздохнув, тяжело опустилась на стул.

– Что случилось? – нахмурившись, спросила Нина. – Ты что-то сама не своя.

– Ох, – махнула рукой Гликерия, – и ко мне сикофант при-

ходил...

Нина молча вопросительно смотрела на подругу. Та метнулась к корзинам с хлебом и сладостями, начала поправлять холстину, что прикрывала товар.

Нина подошла, взяла за руку:

– Да рассказывай же! К тебе-то зачем?

Гликерия зашептала, оглядываясь:

– Раб из дворца сбежал, ищут его. Все таверны обошли, до меня добрались.

– Чушь какая-то. Во-первых, откуда у раба деньги по тавернам ходить. А во-вторых, ты чего так разволновалась-то? Ну, сбежал раб, первый раз, что ли?

– Он, говорят, помощником был у дворцового повара, кто сладости печет. Думают, будет искать, где бы подработать. Искусный вроде очень.

– А ты-то при чем?!

Гликерия вздохнула.

Нина рассердилась:

– Ой, не томи. Знаешь, что ли, где он?

Подруга молча прошла вглубь, поманила Нину за собой. Из пекарни вышли через заднюю дверь, пересекли двор с печами. В дальнем углу стоял сарай, где хранились припасы. Гликерия вошла в него, Нина – за ней.

В сарае, не видя еще ничего после яркого солнца, Нина услышала шорох и повернулась к стене, заставленной мешками. Поджав ноги и обхватив их руками, на полу сидел

мальчик лет тринадцати. Спутанные влажные белокурые волосы прикрывали плечи. На шее поблескивал витой медный ошейник. Огромные глаза придавали его виду какой-то неземной облик. Руки были покрыты синяками и царапинами.

От жалости Нина охнула.

Но тут же всплеснула руками и, повернувшись к Гликерии, зашипела:

– Ты что это надумала?! Ты забыла, что за укрывательство рабов полагается?!

– Он на моего Григория похож. Прямо одно лицо. – Слезы покатались по щекам Гликерии.

Хотя младший брат утонул много лет назад, горевала она по нему до сих пор.

– И правда похож... – пробормотала Нина с сочувствием. – Я там корзинку у порога бросила, дай-ка, – сказала она Гликерии.

Та быстро подала корзинку, шепотом затараторила:

– Он толковый такой – в пустой мешок из-под муки залез, другими прикрылся. Над ним во дворце издевались, верно. Что-то там не так. Спрашивала, почему да как убежал – не говорит. Ну, не могу я его отдать этим злодеям, ты посмотри на него!

Гликерия, горячась, повысила голос. И вдруг спохватилась, кинулась обратно в пекарню.

Нина, слушая подругу, рылась в корзинке, где уже лежали купленные товары. Отыскала сверток с разными аптекарски-

ми средствами, без которых из дома не выходила. Достала заживляющее снадобье и намазала ребенку ссадины и синяки. Тот морщился, шипел – мазь припекала. Аптекарьша велела мальчику раздеться и показать спину. Тот помотал головой, опустил глаза:

– Спасибо, больше не болит.

Проводив взглядом Гликерию, мальчик вжался в стену, посмотрел на Нину и прошептал:

– Госпожа, не отдавайте меня им.

Нина вздохнула:

– Как звать-то?

– Галактион.

– Ишь ты! Галактион! – усмехнулась Нина. – Ну и имя для раба! Откуда ты?

– Привезли из болгарских земель, мальцом еще. Родителей убили, братьев тоже. Я уже и не помню ничего. Давно было. Сначала стал у торговца сладостями рабом, он хороший человек был, добрый. Потом его имущество в казну забрали, а самого из города выгнали. Не знаю за что. Меня во дворце на кухню отправили, сказали, раз умею мед от патоки отличить, буду помогать повару.

– А сбежал почему? Столько лет не пытался, а сейчас вдруг сбежал?

Галактион молча отвернулся.

Нина подождала ответа, потом поднялась с колен, размяла затекшие ноги. Вошла Гликерия.

– Хорошо, что покупателей сегодня мало, закрыла пока пекарню. Ну, что думаешь?

Нина покачала головой, тихо произнесла:

– Ничего хорошего. Выгнать нельзя, у себя оставить нельзя. Надо хоть ошейник снять.

– Вот и я про что. Кузнеца бы позвать. А как? Ведь выдаст.

– Феодора спроси. Он с кузнецом договорится, ему не откажут, не выдадут. Мне в аптеку пора возвращаться. Я тебе пришлю порошок красильный. Разведи в воде до кашицы, намажь ему волосы, только хорошо промажь, чтобы ровно прокрасились. Оставь на час, потом смой просто холодной водой. Переодеть его надо. Он красивый, прямо как девочка. Есть лишняя туника и покрывало? Перешить немного придется.

– Будешь Галатеей, – повернулась она к мальчику.

Он опять замотал головой.

– Не хочешь? – прошипела сердито Нина. – Мы, женщины, из-за тебя можем в подземелья попасть, а ты в девочку переодеться не хочешь?! Раз гордый такой – иди ищи других помогальщиков.

Гликерия бросилась к Галактиону, обняла.

– Не ругай его, – зашептала торопливо. – Он все сделает, как мы скажем, правда? – Гликерия заставила мальчика посмотреть ей в глаза.

Он кивнул медленно и, прижавшись к ней, тихо заплакал.

Нина только вздохнула.

– Пойду я. Краску сейчас пришло. Вот тебе мазь, завтра надо смазать опять ссадины. – Она еще порылась в корзинке, достала крохотный флакон. – Выпей сама и ему накапай. Да смотри – не больше двух капель на чашку воды, а то заснете. Хотя ему лучше бы поспать. – Нина повернулась к выходу, потом вернулась. – Гликерия, а сикофант-то ничего про меня не спрашивал? И про отравление?

– Нет, я ж сама думала, он с этим и пришел, а оказалась другая беда. Может, ему теперь и не до тебя будет, отстанет он от твоей аптеки. То ж подмастерье кузнеца, а тут раб из императорского дворца. Вот как бы он и от нас отстал...

– Посмотрим. Бог даст, больше никаких несчастий не случится да все само по себе затихнет. Галактиона тебе, может, к сестре отправить? Когда шум поуляжется.

Гликерия пообещалась подумать.

Нина хотела было рассказать про ночное происшествие, да не стала. У подруги и без того забот теперь полно. Успеют еще наговориться.

Глава 5

Душица, она же ориганум, успокаивает и тревогу убирает. От корчей помогает, от головной боли да бессонницы. Помогает боли снять при регулах, при других болезнях живота. Цветки мелкие, лиловые, кучно собранные. Стебель плотный, листочки супротив друг друга, округлые, простые. Собирать перед самым цветением. Если женщина в тяжести, душицу в настоях и отварах давать нельзя.

Из аптекарских записей Нины Кориари

Дома Нина сняла нарядное покрывало, подтянула волосы платком потуже и пошла увязывать травы да раскладывать покупки.

Достала измельченные листья индигоφόры и лавсонии, что привозили караваны с Востока. В нужных пропорциях смешала в глиняном горшочке, обвязала холстиной и жгутом. Подмастерье своего отправила с горшочком в пекарню. Сказала, что притирание для Гликерии, да для достоверности розовым маслом чуть мазнула, чтобы запахи перебить. А из пекарни велела домой бежать, в аптеку не возвращаться.

Подмастерьем у нее подрабатывал Фока, сын горшечника. Отец проклинал его за неуклюжесть, сколько тот товара перебил – не счесть. Как-то Нина пришла с заказом, в аптеке горшки хорошие всегда нужны, а мастер малолетнего сына

колотит за очередной разбитый кувшин. У того уже и кровь носом пошла.

В семейные дела чужим влезать не следует, но Нина разозленного родителя уговорила, чтобы разрешил пареньку ей в аптеке помогать изредка. Заказы разнести, прибрать что, травы увязать. Глаза-то у мальчика больно смышленные, справится.

Он, конечно, и у Нины умудрился пару сосудов расколотить. Но у аптекарши оплеухой отделаться можно, да и то не со злобы, а для поучения. Зато запахи он различал, как зверь лесной. Бывало, она сделает отвар, а Фока, прежде чем хозяйка скажет, куда нести, спросит:

– Это для крикливой Зиновии опять? В этот раз без чабреца?

А в отваре пять разных трав. Вот прямо как колдун какой-то, Нина аж крестилась в недоумении.

Звякнули медные пластинки, привязанные к занавеске на входе. Это подмастерье – уже и дома побывал – горшочки доставил, что Нина его отцу заказала недавно. Донес, ни один не стукнул.

Нина похвалила его, рассчиталась. Полюбовалась узором на крохотных сосудах для будущих мазей и притираний. Видать, Анна, жена горшечника, нашла время для росписи. Может, и заказ от нее есть?

Заглянув внутрь горшочка с райской птицей, Нина нашла

свернутый кусочек ткани, измазанный краской. Развернула. Два неровных круга, один перечеркнутый простой линией, другой крест-накрест. Значит, опять мазь от почесухи и порошок для усмирения любовного пыла. Снова, видать, Анну покрыло красными пятнами по всему телу, и от мужа она прячется. Неудивительно, раз давеча караван привез апельсины из Трапезунда. Она небось опять съела, сколько в себя уместила, вот теперь и чешется. Как дите несмышленное, никак удержаться не может.

Нина покачала головой и пошла готовить заказ. Закончив, распрямила затекшие плечи, завернула снадобья, чтобы завтра с утра отослать.

А нынче Нина ждала важного гостя. Закрыв аптеку на закате, аптекарша прошла через внутренний двор и сняла с калитки наброшенную цепь.

Шторм сегодня разыгрался серьезный. Море низко гудело, бросая волну за волной на берег. Ветер метался по тесным проулкам, разбегаясь на широких улицах, взметая осевшую пыль, теребя плащи редких прохожих.

Нина порадовалась, что успела навесы сложить во дворе заранее. Ожидая, села растирать в ступице лаванду, что взяла утром у франкского купца. Задорого, да без лаванды никак – во многие снадобья Нина ее добавляла. И аромат у нее приятный, и красноту снимает, и душу успокаивает.

Прислушиваясь к шуму ветра, Нина вспоминала, как много лет назад Анастас впервые дал ей в руки ступицу для трав.

Завораживала Нину аптека: свет от лампы бросал тени, руки Анастаса летали над столом сновисто, к полкам, опять к столу. Добавить, растереть, прошептать молитву, смешать, поднести к свету, взбалтывая. Жаром тянуло от крохотной печки, Нина зачарованно смотрела на волшебство в искрящемся венецианском сосуде. Такой к ней в снах и приходит порой Анастас: высокий, худой, со взерошенным чернявым чубом, смотрящий сквозь цветное стекло.

На тихий стук калитки Нина подняла голову. Увидев знакомый крупный силуэт в двери, она встала и поклонилась гостю. Тот кивнул, прошел к лавке с подушками и, устроившись поудобнее, завел разговор о недавних событиях на форуме.

Беседа текла ровно, слушая рассуждения гостя про переодевшегося женщиной вора, которого поймали да в назидание с задранной на голову юбкой прогнали по всей Мезе, Нина смеялась, просила рассказать, что еще случилось.

Гость, отпив поднесенного вина, перешел к главному. Шепотом велась беседа. Аптекарьша охала, качала головой, вздыхала. Попросила гостя подождать, вышла в пристройку, где хранила запасы.

Пока она отсутствовала, тот подошел к полкам, разглядывал надписи на привязанных к сосудам и горшкам тряпицам.

– Возьми, почтенный, – Нина протянула ему невысокий глиняный кувшин, – четверти секстария в день должно быть

достаточно.

Посетитель спрятал сосуд в широкий кошель на поясе, выудив сперва оттуда монеты.

Нина покачала головой. Тот вздохнул, снял с пальца серебряное кольцо:

– Бери, не спорь со мной.

Нина собралась с духом:

– Просить тебя хочу о милости, господин.

– Какая милость, Нина? Мы как родственники – говори прямо, что тебе душу гложет.

И рассказала она ему все про отравленного мальчика, про сикофанта, что аптеку грозился закрыть, да про шелковую тунику с вышивкой. А заодно и про ночной визит вора.

– Скажи мне, господин, как быть? Отравителя найти надо, не только в аптеке дело, что-то мне подсказывает – еще одна беда будет. Он же смотрел, как дите умирает. Какое сердце это выдержит?

Долго сидел гость, глядя на огонек свечи.

Нина вина предложила, отмахнулся. Наконец произнес:

– Я должен подумать, Нина. Непросто тут все. Я за тобой пришлою на днях – василисса хотела сама с тобой насчет притираний и снадобий поговорить. Придешь во дворец, отвечай, только если спрашивают, смотри по сторонам да молчи про мальчика пока что. А после я опять зайду ввечеру.

Нина лишь кивнула, не доверяя голосу. Сердце забилося высоко, у самого горла. Во дворец! Императрицу увидит да

говорить с ней будет? Господи, сохрани, страшно-то как.

Закрыв за гостем калитку, Нина опустила занавеси на окошках, вынесла ужин Павлосу да тунику льняную, от Анастаса оставшуюся. Охранник ее уже устроился под навесом, на принесенной соломе, тарасился в ночное небо.

Нина вернулась в дом, заперла дверь, погасила свечи и долго молилась перед сном, вспоминая, как впервые повстречалась с сегодняшним важным посетителем.

* * *

В тот памятный вечер Нина занималась подсчетами запасов трав и масел, когда падающие сквозь легкую занавеску закатные лучи загородила чья-то крупная фигура.

Посетитель постоял на пороге, не решаясь позвать хозяев, даже сделал шаг назад. Нина сама вышла к двери. Отодвинув занавеску, она окинула взглядом человека, закутанного в плащ. Аптекарьша слегка поклонилась и пригласила посетителя в дом.

Он вошел и скинул с головы наброшенный край одеяния, Нина едва не охнула, узнавая. Она и подумать не могла, что этот человек удостоит когда-либо своим вниманием ее скромную аптеку.

Опомнившись, предложила гостю сесть на скамью с подушками, кинулась к столу, налила в расписную глиняную чашу ароматного освежающего питья, настоящего на кис-

лых яблоках и фенхеле, подала гостю. Мысленно посетовала, что не достала драгоценный кубок – подарок ювелира, чью дочь Анастас вылечил от припадков.

Гость молчал, лишь кивком поблагодарил за подношение. Глаза его пытливо разглядывали скромную обстановку аптеки, открытые сундуки с травами, тонкие невысокие кувшины, выставленные вдоль стены.

Наконец он остановил взор на хозяйке аптеки и высоким, характерным для евнухов голосом обратился к ней:

– Тебя зовут Нина Кориари. Ты меня знаешь?

Аптекарьша, уже успокоившись, произнесла:

– Да, великий...

Гость поднял руку, как будто предостерегая от произнесения его имени и титула вслух.

– Расскажи мне про свою приемную мать, – сказал он. – Расскажи про Дору.

Закрыв сундук, Нина опустила на него, сама разглядывая гостя. Он был младше ее, лицо безбородое, бледная кожа чуть желтизной отливает, под глазами тени залегли. От него веяло дорогим розовым маслом и немного амброй.

Разговор закончился в ночи. Аптекарьша устала, глаза ее припухли от слез. Гость изредка задавал вопросы, не меняя выражения лица, лишь задерживал дыхание, когда Нина говорила про походы Доры к дворцовым воротам. Рассказ плавно перетек на Анастаса, на аптеку.

Наконец, сдержанно поблагодарив хозяйку, гость поднял-

ся, аккуратно поправил складки шелковой туники под богатым поясом. Закутался плотнее в простой темный плащ, набросив край его на голову, чтобы скрыть лицо, и вышел.

Нина опустилась на ту же скамью, где сидел гость. Усталость накрыла ее, еле хватало сил запереть сундуки да двери.

От потрясения женщина никак не могла собраться с мыслями. Не смела она и думать, что в ее аптеку когда-либо войдет великий паракимóмен²⁹ Василий Ноф, советник императора, человек, который, по слухам, и управлял империей.

Вспомнился Нине разговор, что вели Анастас и Калокир, а она случайно услышала. Кало-кир тогда сказал, что сын Доры во дворце занимает высокое положение, император к нему благоволит, хотя он и бастард.

Весь Константинополь знал, что Василий рожден от императора Романа I дворцовой рабыней. И что отец оскотил его в младенчестве, чтобы не претендовал бастард на трон. А что стало с той рабыней, никто не ведал. Кто-то говорил, что сослали ее в дальние окраины, кто-то – что она наложила на себя руки и бродит призраком по садам и галереям дворца.

Неужели Дора... Нина перекрестилась.

А через пару дней прислали за притираниями. Сначала служанка пришла, да в такой в одежде, что не каждому горожанину по карману, снадобий разных на пробу попроси-

²⁹ Великий паракимомен – главный спальни-чий, титул, жалуемый обычно евреям. Часто паракимомен исполнял обязанности главного министра. Эта должность была высшей среди тех, которые могли занимать евнухи.

ла. И оплату щедрую оставила. А еще через неделю за товаром прислали. А потом заказы потянулись один за другим, да так, что Нина начала подумывать об ученице – уже едва справлялась.

А теперь, гляди-ка, и во дворец позвали. Вот и не спится Нине, все про приглашение думает. Дворцовым церемониям она не обучена, вдруг что-то скажет невпопад или поклонится неправильно. Да и нарядов у нее нет, чтобы к императрице ходить. Вот ведь теперь забота еще. Надо бы новую столу купить, а то и далматику. Да и тунику шелковую бы. А где столько денег взять?

Нина долго ворочалась, не могла уснуть. В конце концов рассердилась на себя. Раз зовут, значит, ее умение притирания готовить понадобилось, а не одежда нарядная. Этого добра у них во дворце и без нее навалом. С такой мыслью наконец уснула.

И приснился Нине сон, как стоит она на берегу моря босая. А позади нее деревья диковинные с ароматными цветами, птицы поют сладкоголосые. И вдруг чувствует Нина, что ноги ее в песок затягивает. Она переступает назад, чтобы высвободиться, да вода поднимается, и опять ступни в песок погружаются. А волна все сильнее, назойливее, вот уже и край столы намочила.

Нина все пятится, вода подступает, птицы кричат воронами. И лицо Анастаса из волны на нее смотрит. И голос хрип-

ло произносит: «Спаси его, не допусти беды».

С криком проснулась Нина. Сердце колотится; ноги поджала, колени руками обхватила, от ужаса застонала.

Что сей сон значит? Кого спасти надо? Зачем ты покинул меня, Анастас? Уж второй год пошел, как одна. Тяжко.

Глава 6

Масло ароматное

Раstереть в ступице две средние меры семян лаванды и одну меру овсяных зерен. Переложить в средний горшок глиняный или сосуд стеклянный, налить протомленное масло оливковое, пока не покроет семена. И на три зерна повеьше. Выставить на окно на солнце, на два дня. Опрокинуть на чистую холстину на другом горшке. Отжать семена. Масло разлить в малые сосуды и запечатать, спустить в погреб. Проверять на цвет и запах перед продажей. Что за месяц не уйдет – вылить. На этом масле хорошо густые притирания готовить и просто для тела использовать.

Из аптекарских записей Нины Кориари

Поутру Нина решила наведаться в гавань, где убитого парнишку нашли. Сикофант, конечно, всех расспросил, да с аптекаршей делиться не станет. А бывает – что сикофанту не расскажешь, то соседу или знакомому выболтаешь. Поговорит Нина со стражниками, с лодочниками, может, что и выяснит.

Пришла она к воротам, что вели в гавань Феодосия из города. Глянула на высокую стену, залитую утренним солнцем. Толщина стены этой, говорят, более пятнадцати пусов³⁰. А

³⁰ Пус – греческий фут, примерно 30 см.

высотой и вовсе сорок пусов. Башни охранные восьмиугольные вдоль всей стены. Хорошо город защищен от врагов. Да вот от своих душегубов нечем защититься, детей никак не уберечь.

Ворота были открыты, люди деловито спешили кто куда. Многие – в иноземных платьях. Отовсюду слышалась разноязыкая речь. Крикливые разносчики воды и лепешек перекрывали общий шум. Продажные девицы с непокрытой головой и в тонких туниках завлекали клиентов уже с утра, а завидев стражников, хоронились в толпе да за тюками сложенными.

Два молодых стратиота беседовали в стороне от ворот.

Нина к ним и подошла.

– Здравия вам, почтенные воины. Куда направляетесь? На дозор или уже отдыхать?

– Сменили нас только что. А тебе, уважаемая, какая печаль? – Один из них окинул женщину взглядом. Нечасто почтенные с виду горожанки так запросто к мужчинам подходят.

– Да я ищу того стратиота, что ко мне в аптеку приходил несколько дней назад, когда отрока отравленного нашли. Не знаете, где он? Поговорить я с ним хотела, порасспрашивать, что видел да слышал в ту ночь. Я Нина, аптекарша.

Воины переглянулись. А она тем временем откинула плат с корзинки, где лежал хлеб, сыр, инжир, предложила собеседникам. Те отказываться не стали, угостились да поблаго-

дарили. А Нина опять завела речь про давешнее убийство. Солдаты в ту ночь ни ворота, ни стену не охраняли, лишь подтвердили, что шторм был, никто ничего не слышал.

– А ворота ведь на ночь запирают, как же душегуб туда пробрался да потом обратно в город вошел?

– Так это ж порт. Тут укромных мест, где спрятаться, не сосчитать. И под лодками перевернутыми, и под мостками. Вышел с мальцом, как и все, никто на них и внимания не обратил. Народ все время туда-сюда шныряет – и торговцы, и мореходы, и нищие, да и ворье всякое.

– Ну а утром? – допытывалась Нина.

– А утром не сразу убитого заприметили. Ворота к тому времени уже открыты были, и народ ходил. Мы только иноземцев проверяем, а если он ромей³¹, так опять же никто внимания не обратит. А мальчика лодочник обнаружил да к воротам прибежал доложить. Говорят, напуган был сильно, аж трясся.

– Что за лодочник, как звать-то его?

– Звать его Стефан, но он вроде отплыл на рассвете. – Воин бросил косой взгляд на стоящую неподалеку фигуру, закутанную в плащ, понизил голос: – А ты, уважаемая, за какой надобностью любопытствуешь?

– Спрашиваю, значит, есть надобность. На базаре вон болтать начали, что аптекари детей травят. На честную аптекаршу такой поклеп.

³¹ Ромей – житель Восточной Римской империи (позже названной Византией).

Вот и подумала, может, узнаю что да и отобьюсь от пустых наветов.

– Не женское это дело, про отравления выznавать, – сказал один из воинов. – Иди лучше в свою аптеку да не шастай по улицам, сплетни собирая. А не то опять беда будет. Говорят, кто раз убил, да не попался, будет убивать снова.

Нина поежилась. И правда, если не остановить этого изверга, он еще кого-нибудь погубит.

Распрощавшись со стратиотами, Нина вышла все же за ворота, засмотрелась на стоящие в гавани корабли в розовой дымке, на солнечные блики на гребешках волн. Вздохнув, направилась вдоль стены к тому месту, где нашли мальчика. Кладка здесь была старая, неровная, посеревшая от штормов и соленого ветра. Обломки камней тут и там валялись на песке.

Нина оглядела берег и порт. Да, в таком месте не сразу и заметят. Да и спрятаться есть где – вон обломки грудой навалены, лодки привязаны да перевернуты на камнях.

Нина медленно брела вдоль стены, оглядывая берег да смотря под ноги, чтобы об камень какой не споткнуться. Вдруг рядом просвистел огромный булыжник и впечатался в песок чуть левее от Нины.

Она отскочила, подняла голову, собралась было ругаться, но увидела фигуру в темном плаще. Когда человек на стене поднял руки над головой, Нину осенило, что не случайно камень упал. Все вокруг стало вдруг медленным, как будто

время споткнулось и еле-еле ползет.

Нина видела, как человек поднимает руки все выше, как большой валун на секунду застывает на фоне безоблачного неба.

Через мгновение Нина уже бежала по берегу, отдаляясь от стены и вскрикивая, когда ноги вязли во влажном песке. Добежав до мостков к воротам, она, позабыв о том, как положено ходить почтенной горожанке, пронеслась мимо охраны. Остановилась под чьим-то портиком, когда была уже далеко от ворот.

Сердце колотилось, Нина задыхалась, пыталась молиться, но мысли скачками метались. Успокоившись немного, она огляделась, одежду поправила, покрывало, что сжимала в кулаке, пока бежала, накинула на голову трясущимися руками. Корзинку она потеряла.

Ноги подгибались, пока Нина брела к аптеке обратно. Заперла изнутри засов, упала на кровать и не то уснула, не то провалилась в беспамятство.

Очнувшись, спохватилась, что дела не сделаны, заказы не приготовлены. Руки все еще тряслись.

Выпив пару глотков успокоительного отвара, Нина села за работу, наказав себе пока не думать о происшедшем.

Приближались русалии, покупателей прибавилось. Нина доставала запасы, готовила снадобья для снов легких, для душевного успокоения, масла для рук ароматные – многие

горожане шли к ней, чтобы подарков купить. Для Гликерии и Феодора припасла и масла, и лучшего травяного настоя, с тмином и чабрецом, с мятой лимонной, с дорогим китайским корнем.

Русалии – праздник не христианский, древний, но в большом городе любому развлечению рады. Значит, опять будут хулиганить на улицах, рядиться в чужие одежды да пугать прохожих. Нина, как почтенная замужняя женщина, в непозволенных церковью праздниках не участвовала. Так ведь после разгульных ночей многие клиенты пришлют за утренним похмельным настоем, чтобы голову полечить да утро успокоить. Так что аптекарша достала травы и принялась за работу.

Вот за приготовлением настоя и застала ее очередная покупательница. Зиновия, жена искусного ювелира, пришла пожаловаться на горькую свою долю. Долго просидела она на скамье с удобными подушками, рассказывая. И все-то в ее хозяйстве идет прекрасно, и слуги, и рабы – все послушные да старательные.

Нина слушала молча, кивала с сочувствием. Про старательных верно, то-то всех в округе недержание прошибает, когда Зиновия на слуг или рабов криком кричит. И откуда берется только такая труба иерихонская в этой пигалице. На три улицы окрест слышать. Тут любой послушным станет, коли не оглохнет, конечно.

А Зиновия все тараторила. И туники-то у нее есть шелковые, и далматики расшитые, и от украшений уже и лоб, и запястья ломит. А нет счастья в жизни ее, потому как муж к любви не способен, дитя только одно у них было, так и то схоронили, едва окрестив. И уж в паломничество она ходила, молила Богородицу и даже к старому храму в скале подношения отнесла. Ну ничего не помогает, на снадобье только вся и надежа.

Нина, слушая, подливала гостье разведенного вина, подогретого с корицей и мускатным орехом. Таких клиенток еще поискать, столько притираний покупает, да все самые дорогие.

Когда Зиновия утихомирилась да вытерла слезы, Нина начала расспрашивать про мужа. И рассказала Зиновия, что с приезжими купцами муж ее недавно рассорился – рассердился, что они им самим придуманные узоры да украшения повторяют, а потом продают за свои, да еще и в низкую цену.

Пожаловалась она и на бывшего domestica восточных схол³², который давеча приехал к императору на поклон. Он заказал оклад драгоценный для двух ларцов, резными панелями украшенных. В дар василевсу, сказывает, преподнести хотел. Да не понравилось ему, как заказ выполнен. Говорит, слишком мало камней да блеска. А там не в блеске дело, а в плетении искусном да в эмалях цветных. Муж Зиновии

³² Схола – восточно-римское гвардейское подразделение, состоящее из обученных воинов – схолариев.

начал объяснять было да спорить. Так почтенный Куркуас осерчал, мастера выгнал и платить отказался. И оттого позор и разорение.

– Это не тот ли domestик Куркуас, который у Цецилии Кастальянис в доме остановился?

– Тот самый. Доместик-то он бывший, сейчас там domestиком сам Варда Фока. Что-то у великого Куркуаса с императором, говорят, не заладилось, вот и назначили Фоку. А сейчас Куркуас вернулся, видать, о милости какой просить будет. От Кастальянисов он уже в свой дом переехал. А на ужины все к ним ходит, уж не знаю, что там у них с Цецилией. – Она поджала губы, скрывая ухмылку. Сплетничала Зиновия со вкусом, раскраснелась даже. – А с дворцом великого Куркуаса, говорят, тоже скандал вышел. Василевс повелел денег пожаловать, чтобы дворец починили после землетрясения-то. Но то ли не получил он те деньги, то ли мало выделили – врать не буду, не знаю. Вот потому, верно, и ярится, и на нас осерчал за ларцы. А муж еще сказал, что когда второй раз пришел про оплату поговорить, прежде чем к эпарху идти, так услышал, как Куркуас с другим патрикием разговаривал, и разговоры те были опасные...

– Чем же опасные?

– А того мне не доложил. Только напуган был сильно, даже отказался эпарху жаловаться. Сказал, мало ли как оно еще все повернется...

Зиновия перекрестилась, а аптекарша, не желая совать

нос в дела, что ее не касаются, перевела разговор на снадобья. Беде она посочувствовала, объяснила, что прежде, чем давать порошок для пробуждения любовного пыла, надо бы мужа сперва успокоительным отваром отпоить. Да не торопиться, а то при многих печалях и заботах такое сложное средство, как тот порошок, только сердце надорвет, а по назначению не сработает.

И еще Нина советов дала парочку.

Долго они шептались, Зиновия то хихикала, рот рукой прикрывая, то отнекивалась. Но не зря Нина с хозяйками лупанариев дружна. Те ей кое-какие секреты рассказали, что вроде и не положено почтенной женщине знать, а все ж польза от них бывает немалая.

Отвар успокоительный Нина налила в кувшин невысокий, запечатала да клиентке отдала. Договорились они о цене на порошок и о том, сколько раз за ним приходиться надо. Потому как снадобье ценное, но в большой дозе сильно опасное.

Зиновия по привычке поторговаться вздумала, трубу настроила уже, но Нина ее быстро успокоила, сказав, что задешево она ей другой отвар продаст, чтобы ее-то, Зиновии, любовный огонь охладить – так оно и хлопот всем меньше будет. А средство, что она для мужа просит, дорогое да действенное, но Нина своих клиентов не неволит. Есть у любого человека два пути: либо лечить и молиться, либо только молиться. На том и сговорились.

Зиновия коснулась было занавески, закрывающей вход,

как та отлетела в сторону, и аптекарь Гидисмани, мужчина крупный, видный, вплыл степенно в небольшую комнатку.

Не удостоив Нину и кивком, гость обратил взгляд на Зиновию, и на холеном румянном лице его расплылась медовая улыбка.

– Почтенная Зиновия, как же я рад вас видеть. Каким несчастливым ветром принесло красавицу и уважаемую горожанку в эту халупу? Нечего тут делать, поверьте. Позвольте проводить вас в мою аптеку? За чем бы вы сюда ни пожаловали, у меня товар найдется лучший, достойный такой прекрасной госпожи.

Зиновия поначалу растерялась. На «красавицу» улыбнулась горделиво, покрывало чуть сдвинула на затылок. Однако к концу речи нахмурилась высокомерно и с ехидцей затараторила:

– Вы, уважаемый Гидисмани, отчего не стучитесь, когда в приличный дом входите? Напугали меня. Я тут отвар для хороших сновидений заказываю, а вот вы, видать, спите плохо, коли вежливое обхождение забыли. Так вот у Нины спросите, она продаст, да недорого.

Голос ее набирал силу, глаза заблестели.

– А то что же такое? Порядочной женщине и не появиться нигде без того, чтобы ей не указывали, куда ходить да что делать?! Да если я не буду знать, куда пойти, я у мужа спрошу или у отца Анисима, а вовсе не у почтенного аптекаря Гидисмани! Что делается, люди добрые, двум почтенным горо-

жанкам и поговорить нельзя – кто-нибудь непременно вмешается, поучать начнет. Ну никакого покоя в этом городе нет!

Труба иерихонская на секунду замолкла. Гидисмани за время отповеди сжался, улыбка его сладкая поблекла, сползла как будто наполовину, не решаясь еще покинуть сию круглую физиономию.

Видя, что Зиновия набирает воздуха вновь, Нина кинулась к ней.

– Ну что ты, любезная, так разволновалась. – И зашептала на ухо: – От крика-то кожа портится да от волнения тоже.

Красавица рот захлопнула, к Нине повернулась, а та угоры продолжила:

– Ты не сомневайся, я тебе снадобье завтра пришлю. Хорошие сны будут, ты же знаешь, я для тебя все самое лучшее приготовлю.

Подхватив нежно, однако настойчиво под руку, повела гостью к выходу. Распрощалась душевно, но безоговорочно. Зиновия сдержанно кивнула аптекарше, а усаживаясь в носилки, хихикнула.

Нина тоже улыбнулась, закрыла дверь и повернулась к Гидисмани. Тот плечи расправил, живот выпятил.

– Зачем пожаловал, уважаемый? – спросила Нина, не приглашая, однако, присесть.

– Ты, Нина, гостей встречать не умеешь. Как только дела ведешь с таким сварливым нравом?

– Так ты и не гость – я тебя к себе не звала. А ежели опять пришел угрожать мне гильдией и аптекой моей вознамерился распоряжаться, так можем прямо сейчас распрощаться. Мне о твоих мечтах болтать недосуг, клиентов много!

– Склочная ты женщина, Нина. Я к тебе с уважением поговорить пришел, а ты в крик.

– Ты уже поговорил с Зиновией, думаешь, мне такие речи по нраву?

– Да помолчи же наконец! Дай сказать, зачем пришел.

Нина в раздражении плюхнулась на скамью. Гидисмани покачал головой с осуждением, осторожно опустил зад на сундук с подушками. Вздыхнув, высокомерно произнес:

– Ты, говорят, с сикофантом разговаривала. Про мальчика отравленного. Расскажи-ка мне, что выяснила да в чем тебя обвиняют.

– Меня не обвиняют ни в чем, а рассказывать я тебе ничего не буду. Ядами не торгую, законы не нарушаю. А к тебе сикофант и сам придет, вот с ним и потолкуешь, кому ты яд продал.

– Что ты несешь? – Посетитель даже привстал в гневе. – Я не продавал яда никому!

Нина только вздохнула. Ссориться она не любила, но как тут справиться, когда каждый норовит обидеть женщину, за которую заступиться некому.

– Перестань, Лука, – вымолвила устало.

Тот поморщился: имя свое он не жаловал, неблагозвуч-

ным ему казалось, все называли его по фамилии.

Помолчав, сказал уже спокойно:

– Ты же пойми, не тебя одну обвинять будут. Ко мне сикофант-то тоже приходил, про яды спрашивал да про клиентов, кто что покупает. Вон по базару слух пошел, что аптекари людей травят. Даже мне это в делах мешает. А с тобой никто церемонии разводиться не станет. Так что расскажи лучше мне, бабий ум короток, я тебе помогу.

Нина опять встала:

– Нечего мне тебе рассказывать. Мальчик с синюшным лицом, руки и ноги судорогой сведены, на губах пена, так ты, верно, и без меня это знаешь. Кузнец ничего дельного не сказал про него, мать его в горе и слезах. Хочешь доброе дело сделать – дай ей денег, ей еще двоих кормить. И ступай уже.

– Думаешь, цикута? – шепотом спросил Гидисмани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.